

ЮЛИЯ РУДЕНКО

Роковое глиссандо

Юлия Руденко

Роковое глissандо

«Издательские решения»

Руденко Ю.

Роковое глissандо / Ю. Руденко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743222-5

По сути роман «Роковое глissандо» — письмо-исповедь неудавшегося пианиста Павла Весника, который скользит от одной женщины к другой, словно исполняя глissандо своей жизни. Совершенно случайно письмо попадает в руки горничной отеля Ларисы Игнатовой, и девушка догадывается, что стала невольным свидетелем драмы а-ля «Ромео и Джульетта».

ISBN 978-5-44-743222-5

© Руденко Ю.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1. Письмо	6
Глава 2. Лариса	10
Глава 3. Письмо	14
Глава 4. Лариса	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Роковое глоссандо

Юлия Руденко

Автор благодарит свою сестру Алину за вдохновение в написании романа.

© Юлия Руденко, 2016

На фото обложки Сергей Воропаев

ISBN 978-5-4474-3222-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава 1. Письмо

Девочка моя родная, прости меня. Моя жизнь неудачника гроша ломаного не стоит. Я совсем не тот, кого все окружающие видят во мне. Я разбит и сломан давно-давно. Все, чем я занимался после – играл, стоя на спящем вулкане, который долго-долго готовился разверзнуться лавой, и вот, наконец, это произошло. Мои чувства к тебе разрывают меня на части, ты возродила меня – того, наивного и впечатлительного парня, которым я был когда-то. Зачем ты это сделала? Я снова полон боли, она просится наружу криком и ненавистью к своему прошлому.

Когда я встретил тебя, думал, ты – очередная пустышка, которая доставит мне несколько пикантных моментов, и которую я сменю следующей такой же. Родители наделили меня внешностью Алена Делона и рождением в странной стране Россия, которую не то, что понять, но уже и верить в которую невозможно. Они забыли, правда, оставить сыну денег, когда ушли в мир иной. Но я их не виню. Практически во всех сказках главные герои были бедными: что Иван-дурак, что Кот в сапогах, что Буратино. Так что по всему выходило: я – не последний персонаж в сказке под названием «Реальность».

Внешность моя оказалась скорее бременем. Потому что когда тебя хотят все окружающие девушки, а ты влюблен в одну, и именно она тебя отвергает, это совершенно невыносимо. Все твои мысли рядом с Той, одной... И ты забываешь про себя... А тебя достают звонками другие... И в какой-то момент ты оказываешься в их постели... Но представляешь-то себя рядом с Ней, единственной... Становишься сам себе противен... Так случилось несколько раз в юности, после чего я приказал себе никогда никого не любить и стал Мистером Бронированное Сердце. Но теперь я вижу, что все мои влюбленности были лишь жалкими репетициями того, кто там, на небе, играетя нами, по сравнению с тем, что я испытываю сейчас к тебе. Прости меня! И не поминай лихом.

Мою первую любовь звали, как и тебя, – Настя. Мы учились с ней в одной школе. Она – на два класса моложе. Я так часто искал ее взгляда на переменах, что это не прошло незамеченным для ее подруг, которым нравился я и которые периодически звонили мне по телефону. Порой я даже не знал имен тех девчонок. Бла-бла-бла могли длиться часами, но мои дополнительные занятия еще в двух школах – спортивной и музыкальной – не давали насладиться девочкам моим голосом в полной мере.

И вот однажды произошло чудо. Когда я стал приставать к одной из звонивших – она мне импонировала более всего – с расспросами типа «Гюльчатай, открой личико», девушка пообещала ответить кто она на следующий день. Почему-то я подумал, что больше ее не услышу. Но нет, она действительно выполнила данное мне обещание, чем повергла в минутное замывание. Волна безумной радости облила меня с ног до головы. Я готов был вскочить с трубкой телефона и прыгать от счастья, но тогда бы она оторвалась от аппарата (как жаль, что тогда сотовых не было, и как хорошо, что было время, когда их не было!).

Она сказала... Господи, она правда сказала... Сказала, что ее зовут...

– Настя Бережнова.

– ...Настя? – спросил я насколько возможно равнодушнее спустя пережитое мгновение сердечного скачка в проникновение мировой энергетики всех любовей земных тысячелетий.

– Да. Мы с тобой в ДЮСШ на тренировках иногда пересекаемся...

– А... Ну конечно... Я тебя знаю!

Так вот какой у нее голос! Ласковый и мягкий, нежный и податливый! И я столько общался с ней о какой-то ерунде! И мог сморозить чего-нибудь лишнего! О чем мы с ней говорили-то? Стоп! О кино, да. Мы обсуждали «Ассу», «Маленькую Веру», «Интердевочку»... Какая она оказывается еще и эрудированная! Настя Бережнова!

– Чем ты сейчас занимаешься? – задал я определенно банальный вопрос оттого, что рас-терялся.

И получил не менее банальный ответ:

– С тобой разговариваю.

– Ну это понятно. А вообще?

– Да так... Ничего особенного... Убралась в комнате, английский сделала... Начала «Красное и черное» читать, и стало скучно... Вспомнила про тебя...

– Ммм... А со мной значит не скучно?

– Нет! Что ты? С тобой как-то... Даже слово не могу подобрать... Романтично что ли...

– Горжусь собой! Я круче Стендаля!

– А ты чего делал сегодня?

– Оу! Я много чего успел! Хочешь сюрприз?

– Хм... Удиви!

– Не бросай трубку. Я сейчас...

Максимально близко подтянув телефон к пианино, я открыл ноты Шопена и заиграл Ноктюрн до-диез минор. Педагог моя, правда, ругалась, что у меня не получается тонко интонировать печальные трели в мелодии. Но для Насти, не знатока классической музыки, это было не важно, поэтому я уверенно и вкрадчиво одновременно перебирал клавиши, как умел.

– Ну как? – спросил я после того, как замер последний бас.

– Знаешь, – ответила Настя после молчания. – Я не ожидала, что ты... Так... Можешь...

Прям до слез, если честно...

Эффект был произведен! Мой восторг от себя самого рвался наружу, но я сдержался и печально, как бы ненароком, спросил:

– Слушай, может, встретимся вечерком где-нибудь в парке? Погуляем...

– Ой, нет, Паш! Я вечером занята, помогаю подружке кое в чем...

«Размечтался!»

– А послезавтра? – наивно предположил я снова.

– Ммм... Послезавтра... – протянула она задумчиво. – Давай тогда завтра и решим. Я позвоню тебе. Пока.

И гудки... Вот так вот просто и легко оказалось – взять и прервать общение тогда, когда я только поверил в свое счастье...

Я досконально помню тот наш разговор, потому что вел дневник, куда скидывал все пережитое за день. Спасибо, хоть оставила надежду. И когда утром мы встретились на лестнице в школе, путешествуя с урока на урок, я многозначительно кивнул Насте, но не более, – нужно было придерживаться ее правил, чтобы не спугнуть своей активностью, и дожидаться звонка.

Встреча была назначена ею на ближайший выходной. Она сказала, что идет с подружками в кино, а я собирался с парнями на дискотеку в местный клуб нашего подмосковного городка Орехово-Зуево. Но мгновенно сориентировался и предложил подождать ее после сеанса с тем, чтобы пойти в клуб вдвоем. Она согласилась.

У меня было время, чтобы прийти в себя и немного поставить голову на место. Потому что такая скорая реализация моей тайной мечты не могла быть правдой. Однако, почему не могла? На глазах у всей школы разыгрывался настоящий спектакль неземной любви моего одноклассника Димки Шеремета и учащейся на класс ниже Александры Тупиковой, что всем наблюдающим со стороны эти их робкие держания за руки на переменах и поцелуи украдкой приносили не только радость за них, но и тайную зависть. Я не был исключением. Я завидо-

вал Шеремету со страшной силой. Красавчик-блондин, он был отличником и гордостью учителей. Гордился педколлектив и учебой Тупиковой, в противовес Димке имеющей о природы смуглую кожу и черные, как смоль, волосы, которые были зачесаны назад и скромно стянуты резинкой в маленький хвостик.

Моя Настя носила длинную косу и держалась в школе более чем скромно. Я и на дискотеках-то ее ни разу не видел (странно, что она так легко решила пойти туда со мной!). В этом году у меня должен был быть выпускной, а ей предстояло учиться еще два года.

Ну и вот настал назначенный час. Народ повалил из кинотеатра, а я стоял невдалеке и ждал ее. Жаль, что я не курил, – хотелось как-то унять волнение. Настя шла в числе последних зрителей с двумя подругами. Несмотря на темное время суток, площадь была ярко освещена, и я надеялся, что она сама подойдет ко мне, одинокому Дон Кихоту, не заметить которого было невозможно. Но моя Дульсинея преспокойно болтала о чем-то с подругами и наверно так бы и продефилировала мимо, если б нервы мои не выдержали, и я не сделал бы резкий выпад к ней, когда они со мной поравнялись. Я даже схватил ее за руку. Именно не взял, а схватил! Я был взвинчен изнутри своими долгими ожиданиями и желаниями настолько, что контроль над собой был теперь окончательно утерян, как я ни старался выглядеть примерным и спокойным.

Настя и ее подруги, с которыми мы тоже пересекались в спортивной школе, посмотрели на меня с таким неподдельным ужасом, что я готов был провалиться от стыда на том же месте и немедленно ретироваться с «поля боя».

– Паа-ша?.. Ты чее-го?.. Ту-ут?.. Дее-ла-ешь?.. – заикаясь, испуганно спросила Бережнова.

От ее руки, в которую я намертво вцепился и не собирался выпускать ни при каких условиях, исходило тепло, которое и придало мне некоторую уверенность, и я уже вернул себе свой коронный томный взгляд с поволокой, так возбуждающе действующий на девочек.

– Так, давай не морочить друг другу головы! Отпускай своих подруг! Пусть они идут домой! И пошли! – уже по-свойски распорядился я.

А для полноты эффекта обретенного над собой контроля грубо скомандовал девочкам:

– Идите-идите!

– Девочки, стойте! Паша, куда пошли? – завопила Бережнова, пытаясь все-таки выдернуть свою руку из моей.

«На дискотеку, дурочка ты моя застенчивая, – так и хотелось ответить ей. – А потом – целоваться в твоём подъезде, а после... ходить по школе, держась за руки, а потом-потом, после-после... я конечно претендовал бы на большее!».

Но вместо этого я немного свысока и сдержанно произнес:

– Ты сама мне звонила! Отпираться бессмысленно. Так что не тяни время, идем!

– Дааааа? – все еще не сдавалась она. – Я самаа тебе звонила? Ну, может, напомним тогда, о чем мы с тобой типа договорились?

Тут мне пришло в голову, что возможно она передумала встречаться, но не дозвонилась мне, а при подругах раскрывать наш секрет тайного общения не хотела. Я так же резко отпустил ее локоть, как и схватил.

– Ладно, даю тебе время подумать насчет наших встреч. Позвони мне завтра и сообщи о своем решении.

В тоне, пробившимся во мне из подражания отцовским указаниям своей секретарше, была непререкаемость. Позади удалявшегося меня по направлению к клубу не было слышно ни слова.

Как выяснилось позже, звонила мне все-таки не Настя, а одна из ее подруг, устроившая этот розыгрыш. Милая моему сердцу Бережнова стала сторониться меня, как последнего... не буду говорить кого. Я сделал себе татуировку на правой кисти руки «Настя», за что полу-

чил выговор от родителей. В любви я был разочарован, понял, что высокие отношения не для Павла Весника, вернее, что они возможно будут, но лишь на краткий временной отрезок. А раз так, то и заморачиваться насчет поиска ее, вечной, и верности до гроба не имело смысла. Бог не предусмотрел удачу на этом пути для меня. Более того, я намеренно сам стал разрывать все отношения с противоположным полом на самом их пике, что доставляло мне хоть какое-то удовлетворение, пусть даже носившее садомазохистский оттенок.

Зачем я тебе пишу о себе, любовь моей жизни, великая для всех и самая близкая для меня, Анастасия Фордиани? Наверно, потому что дальше ничего не будет. Я уйду. Уйду насовсем. Не хочу мешать тебе быть счастливой с другим. Не хочу жить так, как я жил до сих пор. Но жить без тебя для меня равносильно смерти. И такая жизнь мне тоже не нужна. Да, я мог бы поставить тебя перед фактом перед тем, как исчезнуть, и тем самым выпросить твое дальнейшее местонахождение со мной. Только ты сделала бы это из жалости, а жалость унижает. Я дерзнул хотеть твоей любви. Высокой любви. В самом высшем ее понимании. Той, которая для меня не предусмотрена небом в принципе...

Глава 2. Лариса

Лариса Игнатова, как обычно, постучала ранним июльским утром 2012 года в номер «Марриотт Гранд-Отеля», где остановилась известная в России певица Анастасия Фордиани: «Housekeeping!.. Housekeeping!...». Лариса подрабатывала здесь последние два года горничной, и, как обычно, хотела провести уборку номера.

Впервые она увидела Москву в раннем детстве. Мама привезла ее из Краснодара на медицинское обследование. Что-то было не в порядке с почками. За свое послушание в медицинском центре она выпросила у матери в подарок розовый веер, которым потом и закрывалась на переменах в школе от надоедливых мальчишек, играя роль классической дамы XIX века, подсмотренную ею в каком-то сериале. Ее планы на будущее были как минимум грандиозны и четко определены.

– Вырасту – стану известной актрисой, выйду замуж, у нас будет огромный дом и двое детей: старший мальчик Антон и младшая девочка Арина, – хвасталась подругам-одноклассницам Лариса.

Почему именно Антон и Арина, она затруднялась ответить. А почему актрисой? Потому что мама ее записала в театр-студию при Дворце культуры.

«Иии-эээ-ааа-ооо-уууу-ыыы... Ти-гэ-та-то-ту-ты... Ди-дэ-да-до-ду-ды... Тидди-тэддэ-тадда-тоддо-тудду-тыдды», – заставляла каждое занятие тренировать дикцию и контроль за дыханием ее руководитель Инга Юльевна. И Лариса тщательно работала над собой. Правда чувствовала себя скованно по природе своей внутренней застенчивости. Одно дело – понтоваться перед подружками, а другое – действительно становиться кем-то значительным. Тем не менее, по какому-то щучьему веленью именно ей стали доставаться главные роли. Но она смотрела на сделанные фотографии спектаклей и готова была разрыдаться: такой страхолюдиной она себе на них казалась! А подходила к зеркалу и видела иное отражение – милую и симпатичную девочку. В чем тут был секрет? Она не понимала, но очень хотела стать красивой и фотогеничной, чтобы ее лицо украшало журналы всего мира!

Профессиональной фотомоделью после школы стала не она, а одна из ее «партнерок» по студии – отчужденно и холодно державшаяся на занятиях Ирина Баринова. Будучи на пару лет старше Ларисы и на пару килограммов тоньше, она списалась по интернету с каким-то англичанином, влюбила его в себя, а тот, очарованный, готов был ради нее на все. Это «все» состояло из: подаренного Ирине к свадьбе дорогого кольца с колечком, силикона на грудь, мерседеса последней модели и внедрения в среду голливудских моделей. Ирина прочно прописалась на страницах западных и наших глянцевого издания. А Лариса влюбилась в соседского парня, который не то, что яхты для путешествий на побережье Тенерифе не имел, а и даже велосипеда на балконе.

Она глаз не смела поднять на него во дворовой компании, и вскоре вообще отказалась от вечерних тусовок на лавочке у подъезда. Потом со слезами на глазах узнала, что он расписался с какой-то девицей из Кореновска, когда та «залетела». Лариса проревела несколько дней, пока мать не подключила к проблеме все возможные инстанции – врачей, педагогов, друзей. Казалось, весь мир теперь только и будет говорить о том, что Лариса Игнатова – неудачница и уродина. Казалось, планета Земля терпит ее здесь только из жалости. Но антидепрессанты вскоре все-таки оказали свое действие. Семнадцатилетняя девушка закончила школу и отправилась в Москву поступать – не много не мало – в театральное училище имени Бориса Щукина. Имя этого Бориса Ларисе ни о чем не говорило. Она знала одно: если судьба забрала у нее любимого человека, значит должна как-то компенсировать в карьере.

Экзамены в «Щуку» были провалены, на что Лариса никак не рассчитывала. Но случайное знакомство с редактором отдела издания «Коммерсант» изменило ее отношение к этому.

Он был низенького роста, пузат и с бородой. Он хотел Ларису. Слово за слово – разговорившись в очереди на кассу «АШАНа», он назначил ей свидание, – и она пришла. Артур Попов убедил Ларису не сдаваться и не торопиться покинуть столицу. Пообещал создать все условия для работы в издании.

Первая экскурсия по редакции закончилась сексом на полу в кабинете энергетика, мило-стиво отдавшего Артуру ключи, так как почти во всех других кабинетах и коридорах стояли видеокamеры. После этого он оформил Ларисе постоянный пропуск, удостоверение корреспондента и показал ее рабочее место среди множества компьютерных рядов.

– О заработной плате мы, как сама понимаешь, говорить пока не можем, меня просто не так поймут: здесь студентки МГУ годами пишут бесплатно. Вот попечатайся годик, сдай экзамены на журфак, а потом поговорим о деньгах.

Артуру было легко так говорить, но ей-то нужно было на что-то жить, да и общежитие оплачивать. Она, конечно, поскиталась немного по массовкам, где зарабатывала 500 – 800 рублей за день. Но на это уходило столько сил! Лариса даже не понимала почему: ведь делать почти ничего не было нужно. Наверное, сумасшествие толпы, рвавшейся в кино и на сцену любым путем, давило своим негативом.

Тем не менее, через несколько дней после разговора с Поповым Лариса приняла его условия. А произошло следующее...

В виду отсутствия богатого папы, да даже вообще какого-нибудь папы, а также родственников в Москве, Лариса остановилась в общежитии гастарбайтеров на Бабушкинской. В комнате бывшего двухэтажного типового детского садика были натканы двухъярусные железные койки, между которыми не то, чтобы поставить вещи, а и пройти-то можно было только бочком, глубоко втянув живот. В каждой обитали по четырнадцать – шестнадцать человек. Работали кто кем: кто няней в частной семье, кто телохранительницей, кто администратором кафе, кто продавцом в супермаркете... И однажды нежданно-негаданно заявился в общагу «ревизор». Ну то есть не совсем ревизор, а толстый дядька-майор соседнего отделения тогда еще милиции. Взятку с коменданта хотел стянуть за проживающих тут без прописки граждан ближнего зарубежья. И как назло начал проверку с комнаты, где жила Лариса. Она находилась в комнате с двумя девушками, которые работали в ночную смену, а Игнатова вообще в этот день решила устроить себе редкий выходной.

– Документики ваши, будьте добры, – с ехидной улыбочкой протянул майор.

Игнатова первой протянула свои: паспорт и удостоверение журналиста.

Майор осторожно раскрыл паспорт после того, как внимательно прочитал про «Коммерсант». Переспросил:

– Вы работаете в «Коммерсанте»?

– Да, в отделе расследований, – легко и беззаботно ответила Лариса, как будто на ее счету были не то чтобы десятки, а сотни собственных раскрытых преступлений.

Майор со странным взглядом медленно огляделся по сторонам:

– Ну... и... как вам тут живется?

– Нормально! – также бодро прощепетала Игнатова.

Майор полиции вернул ей документы обратно, не удостоил своим вниманием двух оставшихся девушек азиатской внешности и торопливо покинул помещение.

После этого Лариса поняла: журналист – звучит не только гордо, но и грозно. Авторитет ее в глазах коменданта и обитательниц комнаты резко подскочил.

Ей повезло устроиться на работу ради зарплаты в «Мэрриотт Гранд-Отель». Величие в архитектуре, местоположении и убранстве внутреннего декора – все отвечало высокому уровню жизни, к которому решила стремиться Игнатова, так как с любовью не свезло. Обязанности горничной она выполняла хорошо, чем не раз заслуживала поощрения руководства. Сменила общежитие на съемную комнату. На выходных посещала различные культурные

мероприятия, о которых и писала для «Коммерсанта». Артур свою протезе не бросал, по мере возможности печатал. Эти заметки весьма помогли ей в сдаче экзаменов в следующем году на бюджетное заочное отделение журфака МГУ, куда был жесточайший отбор, но не отвечали лидерским амбициям Игнатовой. Она хотела доказать и Попову, и себе, и читателям, что может написать навзрыд, на грани фола... Для этого нужна была тема. Серьезная эксклюзивная тема. И такая тема в ее жизни появилась.

Когда Лариса Игнатова не услышала никакого ответа от Анастасии Фордиани, то открыла номер своим ключом. Легкий ветерок из открытого напротив двери окна красиво теребил белую тонкую гардину, а заодно – какие-то исписанные листы бумаги, разбросанные по полу. Бросив взгляд на широкую двуспальную кровать слева огромной квадратной комнаты, Лариса, было, хотела отпрянуть назад, захлопнуть дверь и постучаться снова, так как под одеялом кипельно-белого цвета явно находилась певица. И она уже шагнула за порог в коридор, как вдруг замерла в нерешительности. Игнатову полоснуло неясной еще тревогой. Страх за свое самовольное вторжение во время присутствия гостя отеля в номере сменился другим страхом, идущим откуда-то снизу и сжимающим все в груди какой-то безнадежной тоской. Что заставило ее заволноваться? Рот певицы! Голова была неестественно запрокинута назад – за маленькую подушку под шеей, и рот широко открыт... Он был открыт и... недвижим! Лариса осторожно прислушалась, не меняя своей дислокации. Так и есть – ни шороха, ни сопения, ни дыхания не раздавалось со стороны кровати. Игнатова на цыпочках вернулась в номер, хотя усердствовать особо не стоило – идти по мягкому ворсистому ковру даже на каблуках, шумя, было невозможно.

Анастасия Фордиани, песни которой то и дело появлялись на первых позициях хит-парадов, сейчас лежала в номере отеля бездыханной. С робкой надеждой Лариса поднесла руку к ее лицу, но дыхания, даже малого, не почувствовалось. Певица была мертва.

На тумбочке, притулившейся вплотную к кровати, стояли два пустых флакона из-под каких-то таблеток и прозрачный стакан с едва покрывавшей доньшко водой. Мелькнувшая снова надежда на слишком глубокий сон от таблеток, развеялась как дым, когда она попыталась пошевелить Анастасию за плечо.

– Анастасия! – шепотом позвала она. – Вы живы?

Тишина.

Игнатова вспомнила, как неделю назад администратор сказал ей, что по просьбе продюсера и гражданского супруга Анастасии Фордиани тайные видеокамеры слежения в ее номере были отключены. Свою интимную жизнь с женой он старался тщательно оберегать от назойливых папарацци. Значит, узнать, что именно произошло в номере, и добровольным ли был уход из жизни, представляется теперь маловероятным. «Эх, и шумиха теперь поднимется в прессе! Начнут из пальца свои версии высасывать!» – с горечью подумалось девушке. Хоть и виделись они с Анастасией мельком, но песни ее цепляли душевной теплотой и глубиной.

Посмотрев на Анастасию в последний раз, осознав историческую значимость момента, и стерев набежавшую слезу, Лариса зачем-то также на цыпочках, будто оберегая теперь уже вечный сон Анастасии Фордиани, направилась к выходу докладывать о случившемся. Шорох за спиной заставил ее вздрогнуть и резко повернуться. Один из листов бумаги, гонимый порывом ветра, приподнялся и шлепнулся об изогнутую ножку столика, стоящего в центре. Лариса шагнула к нему и подняла.

«... Когда ты прочитаешь это письмо, меня уже не будет. Дай бог, чтобы тело мое подняли со дна Москва-реки сразу и похоронили необезображенным от времени, гнили и рыб. Не хочу, чтобы ты видела меня некрасивым. Знай, по-настоящему я любил в своей жизни тебя одну! Никого и никогда более! Прости... И прощай... Милая моя... Единственная... На-стя...», – строки письма вдруг обожгли своей страстью Ларису. Этот мужчина сейчас возможно действительно лежал на дне реки. А вдруг нет? Нужно быстрее сообщить о случившемся в администра-

цию отеля! Пусть вызывают полицию и разбираются... Стоп!.. «Стоп, Лариса!» – приказала Игнатова сама себе. Что наша полиция раскрыла за последнее время? Проходят годы, а тайна смерти Листьева, Рохлина, Саровойтовой, Холодова и других, о ком мы даже не знаем, так и остается тайной за семью печатями. Поддавшись внезапной ненависти к правоохранительным органам, Лариса Игнатова второпях собрала все листы с пола, проверив – не забрался ли какой под кровать. Теперь у нее была тема для скандальной публикации в «Коммерсанте»! Она сама со всем этим разберется!

Засунув листы себе под пояс стрингов, как не раз делала со шпаргалками на экзаменах, Лариса стремительно выскочила из номера и побежала звать на помощь. Терпеливо выдержав все допросы следователя, она была отпущена под подписку о невыезде до окончания следствия по делу.

Представившись позже чужим именем корреспондентки газеты «Московский комсомолец», Лариса выяснила в полиции по телефону-автомату о последних происшествиях и найденном двое суток назад в Москва-реке теле мужчины по имени Павел Весник. Не оставалось никаких сомнений – это был автор письма.

И вот она в который раз перечитывала его, пытаясь понять – отчего в этом мире двоим любящим людям (а Анастасия Фордиани доказала своим ответным поступком, что она тоже любила Павла Весника) даже в XXI-м веке не удастся быть вместе. Почему техническая и сексуальная революции не привели людей к свободе в чувствах, а наоборот продолжают заставлять держать их в тисках свои подлинные эмоции? Или это будет происходить во все времена с теми, кто обладает сильным характером и сильной волей?

Глава 3. Письмо

Итак, я стал играть в любовь. Назначал свидания нескольким подругам сразу, а сам не приходил, в разговоре всегда говорил не только о достоинствах собеседницы, но и о сексуальности ее знакомых, а когда девочки звонили и рыдали в трубку телефона, я преспокойно его отключал. Удивительно, насколько это мое плохое поведение всегда впечатляло девушек и вызывало зависть у парней. Поначалу я еще пытался иногда снимать маску и быть самим собой. Ну и тут же терял их интерес к себе. Когда я садился за пианино и играл Шопена или Рахманинова, когда цитировал вслух Байрона или Пушкина, когда просто начинал говорить о том, что волнует, искренне и от души, они зевали: «Скучно!». И мне ничего не оставалось, как ежедневно убивать в себе образ прекрасной и светлой любви к одной Прекрасной Даме, тысячелетиями создаваемый писателями. Я жестоко заставлял себя ненавидеть женщин, потому что встреча с одной из них, которая будет любить и понимать меня так же глубоко, как и я ее, в принципе казалась невозможной. Сейчас я знаю, что тогда я всего лишь навсегда трусил! Я боялся боли от предательства, которую может причинить она после того, как мое сердце окажется полностью открытым и уязвимым. Я не хотел верить, что любовь – всегда боль. Боль за другого человека, даже если он предал. И что способность ее перетерпеть и превозмочь – есть момент очищения души, как бы приближающий человека к божественному, к библейскому воскрешению Иисуса.

Моя игра с девушками, а потом с женщинами стала принципом жизни. Я словно скользил в глиссандо по клавиатуре рояля – от одной к другой, третьей, пятой, восьмой, сто сорок четвертой, и вдруг задержался на тебе – моей последней ноте... И как и палец, который кровоточит у пианистов у ногтя от такого скорого соприкосновения-перебора, мое сердце тоже кровоточило. С годами пришел опыт. Мне уже достаточно было появиться в какой-нибудь аудитории и ничего не говорить даже при этом, как женщины кидали многозначительные взгляды, а потом искали возможности познакомиться поближе. Да, мой магнетизм мог дать фору всем голливудским крутышам вместе взятым. Порой мне казалось, стоило только захотеть – и Анджелина Джоли упадет в мои объятия. Но я не хотел. Вернее, мне просто хотелось регулярного секса, успокаивающе действующего на мои нервы и позволяющего не думать о вечных ценностях, обладатели которых именовались в современном мире лохами и лузерами. И какая разница по большому счету с кем он будет сегодня, с кем завтра и с кем послезавтра? Справочник моего мобильного всегда был забит телефонными номерами до отказа, приходилось все время кого-то стирать, чтобы записывать новые имена. Хотя зачем я их записывал, если все равно не помнил кто такая Анжела-модель, или Ирэна-толстушка, или Фаридка-малыш?

Нет, безусловно, в моей жизни случались женщины, которые не просто желали со мной переспать, но и те, которые мечтали о свадьбе. И иногда они готовы были купить меня богатым приданым от своих родителей. От подарков я не отказывался, но роль мужа-альфонса меня несколько унижала. Все-таки худо-бедно я зарабатывал себе на хлеб.

Мой выбор профессии после окончания школы был однозначен: я собирался стать вторым Ван Клиберна. Легко выдержав все экзамены в Гнесинку, и проучившись там два года, я так же легко и был отчислен оттуда из-за дочери декана. Выглядел я тогда, понятное дело, моложе и неопытнее. Но держался одновременно и скромно, и уверенно. Отпущенные волосы до плеч, забранные резинкой в хвост, которые носили многие музыканты, шли мне чрезвычайно. Она – Наталья Лебедева – словно набоковская нимфетка «летала» по коридорам училища и оставляла после себя шлейф из повергнутых мужских сердец. Я заприметил ее еще на первом курсе, но верный себе, не бросился сразу знакомиться, а стал встречаться с ее подругой, которая то и дело стала водить меня с собой на всяческие классические концерты по бесплатным абонеентам. Я просто поджидал подходящего момента.

И вот однажды Света – эта самая подруга – пригласила меня к себе на День рождения. У ее родителей была трехкомнатная в старом доме на Тверской, недалеко от того места, где сейчас «Макдональдс». Они накрыли стол для молодежи и заблаговременно ушли. В компании оказались четыре пары. Я с именинницей, Наталья с парнем в военной форме и еще ребята с нашего курса. Света чего только не делала, чтобы очаровать меня. Я это понимал, даже несколько стыдился того, что использовал ее. В один из моментов, когда начались танцы, она попросила меня помочь ей отнести посуду на кухню.

– Скоро все разойдутся, а вас, Штирлиц, я попрошу остаться... под предлогом помочь навести порядок, – прильнула она ко мне. – Родители вернутся только утром.

Ее объятия сомкнулись на моей шее, и Светины пухлые губы соединились с моими.

– Кххе-кххе, – послышалось в дверях. – Не хотелось вас прерывать, но у Вадима кончается время увольнения, он хотел попрощаться.

Наталья Лебедева, потупив взор, оперевшись им почему-то в мои ноги с тапочками отца Светы, боялась перешагнуть порог кухни. Я резко отодвинул от себя Свету и преувеличенно посочувствовал:

– Уходите? А что так рано?

Света тут же попыталась перехватить инициативу разговора себе:

– А как же торт? Вы с Вадимом его даже и не попробовали!

– Нет, я останусь, Светик, конечно! А Вадиму можно и завернуть кусочек с собой!

О, боги, как я возрадовался тому, что светловолосый и светлоликий ангел по имени Наташа остается.

– Да-да-да, Света, давай отрежем самый большой и самый вкусный треугольник торта дорогому гостю! – схватился я за нож и полез в холодильник на радостях.

– Стой! – обиженно надула губки она. – Я же не задула свечи! У меня есть желание, которое я непременно должна загадать!

При последних словах Света многозначительно посмотрела на меня, приказала зажечь свечи и нести торт в зал.

Примерно через час или два танцев, шампанского и каких-то разговоров, гости действительно засобирались. Хозяйка, улыбаясь, произнесла то, что и обещала:

– Паша, я попрошу тебя ненадолго задержаться – помочь мне расставить все по местам.

И она по инерции еще продолжала улыбаться, когда я ответил:

– Милая, извини, мне завтра утром очень рано вставать – моя Соль Ванна (так я прозвал свою преподавательницу по фортепиано) еще на прошлом занятии швыряла мои ноты и хлопала крышкой рояля из-за того, что я не выучил наизусть Фугу Баха.

Своим жестким и непредсказуемым нравом Таисия Ивановна славилась далеко за пределы Гнесинки. Ее ученикам доставалось по самое не балуй подчас ни за что. Она ярко выделялась своим внешним видом на фоне других преподавателей. Еще бы! Складывалось ощущение, что она даже спала в тех трех вязаных кофтах, которые были на ней всегда. Почерневшие от длительной носки, белые изначально, они явно никогда не стирались. «Этой женщине лучше бы было родиться где-нибудь во Франции», – подумал я, когда увидел ее впервые. Эту мысль привлекла прочитанная книга Симоны Берто «Эдит Пиаф». На заре своей певческой карьеры Пиаф никогда не стирала носившие вещи. Она их выкидывала, когда они становились совсем грязными, и покупала новые.

– Света, если на полчаса разве, то давай мы останемся, – предложила одна из приглашенных пар.

Света умоляюще посмотрела на меня, но природная воспитанность и вежливость не дали ей отказаться. Она молча кивнула головой, и двое из наших остались. Я нагнулся и поцеловал именинницу, эротично шепнув на ухо:

– Не грусти! Все будет хорошо!

За сим откланялся и вышел вслед за Наташей. Пока остальные уходящие еще замешкались в реверансах с хозяйкой, я увлек девушку в приехавший лифт и начал что-то страстно бубнить.

Наталью так сильно рассмешил анекдот про незадачливого конференсье, который объявил моими соблазняющими устами: «Сейчас студентка второго курса Наталья Лебедева исполнит „Желание“ Шопена... Музыка тоже Шопена», – что она потребовала еще.

– Аха! Сейчас! Ой, этот нельзя, этот пошлый!

– Хочу пошлый! Хочу! – продолжала смеяться Наталья, когда мы вышли уже на улицу.

– Н-н-н-ну ладно! – выдохнул я. – Сама просила!.. «Музыкальное образование вашей дочери стоило больших денег, но я думаю, что теперь она сама немало зарабатывает!» – «О, да! Рядом с нами живет профессор, так он платит пять рублей за час, когда хочет отдохнуть!».

– Пять рублей!.. Всего-то? – заливалась смехом моя нимфетка, взявшая меня под локоть, чтобы не подскользнуться.

Так, веселясь, мы добрались на метро до Арбата и пешком отправились по брусчатке к Калошину переулку, где жила семья декана Гнесинки Лебедева Анатолия Абрамовича.

– А ты знаешь, что в нашем доме когда-то жила актриса Малого театра Никулина?

– Оу! Бабушка Юрия Никулина? Везет же тебе! – сдохмил я.

– Не-ет! Для нее сам Александр Островский специально писал роли!

– Ну уж так и сам Островский?

– Да!.. Перестань иронизировать!

– Не перестану!

– Отчего же?

– От того, что я тебя люблю!

Это признание вылетело у меня неожиданно для себя самого. Я сказал это как бы и не ей, не Наташе, а куда-то в сторону, будто рядом с нами был кто-то еще невидимый.

– Т-ты... Ты пошутил? – едва слышно спросила она.

– Н-нет! Это не шутка!

Она ждала от меня повторения этих слов, но я замолчал. Так, молча, мы и дошли до ее двухэтажки.

У подъезда она повернулась ко мне с грустными глазами:

– Ну все, мы пришли...

– Нет-нет, пойдем я провожу тебя дальше, – уверенно взялся я за ручку двери.

И когда оказались внутри, обнял ее и поцеловал. Она робко сложила свои маленькие ручонки у меня на груди, и, опомнившись через пару минут, обреченно спросила:

– А как же Света?

Я едва сдерживал дрожь во всем теле, желая Наташу в этот миг и только ее. Причем здесь была Света?

– Аааа... Мы ей ничего не скажем... Не будем расстраивать... – нашел выход из положения я.

– Нет, так не пойдет, Пап! – серьезно возразила Наташа. – Или ты встречаешься со Светой, или со мной. Фигаро по определению не может быть героем моего романа.

– Ой, господи, девочка моя, ну конечно же с тобой! Если нужно сделать выбор, то как видишь я его уже сделал. Я не остался со Светой сегодня на ночь.

– Да, но вдруг ты пожалеешь об этом завтра и вернешься к ней?

– Не вернись! Вот увидишь!

– Поживем – увидим, – глубокомысленно сказала напоследок Наталья, чмокнув в щеку и не глядя мне в глаза. – Время покажет.

Прошло где-то полгода наших тайных поцелуев урывками у нее в подъезде, пока я, наконец, дождался, когда она сама проявит инициативу к тому, чего я хотел. Со Светой я

порвал всякое общение сразу. Говорят, у нее даже была попытка суицида из-за меня. Я ее мысленно жалел, но ничем не мог помочь. Про подмосковных же моих девочек Наташа не знала и не могла узнать никаким образом. Услышав приглашение к ней домой на чай в субботу, я все понял и решил немного набить себе цену, так сказать.

– Малыш, у нас же экзамены на носу! Я как раз хотел позаниматься!

– Весенок, у меня родителей не будет, они уезжают на дачу! А нам так редко с тобой удается побыть вдвоем! Я новую видеокассету купила, посмотрим фильм, отдохнем... перед экзаменами... и с новыми силами возьмемся за учебу!

– Не знаю – не знаю...

Но я, конечно же, приехал к ней в назначенное время. Из-под совратительного глубокого выреза шелкового халатика проглядывали кружева нижнего белья. Она феерично увлекла меня с порога прямо в спальню – на родительскую двуспальную кровать. И я овладел ею. В телевизоре шел какой-то фильм. Когда мы с моей нимфеточкой взорвались от переполнявших нас эмоций и устало откинулись на подушки, она сделала звук погромче.

– Это «Девять с половиной недель». Слышал?

– Да-да. Новый эротический фильм?

– Мы с родителями на премьерный показ ходили все вместе. Зал был переполнен! Но ты бы видел мою маму потом! «Фи, какая пошлость! Фи, какая вульгарность!». Как будто они с отцом этим не занимаются! А мне понравилось, я даже плакала в конце. И купила себе кассету...

– А у тебя много было до меня парней? – спросил я ее, с интересом наблюдая, как Ким Бессингер снимает рубашку, призывно танцуя, и бросает ее в Микки Рурка.

– Ты из-за того, что нет крови? – обиженно поджала губы Наталья.

– Ну что ты? Я вовсе ничего плохого о тебе не думаю! Все хорошо! – приобнял ее за плечи я и увлеченно продолжил следить за сюжетом.

– Ты – мой первый мужчина. Просто мне в детстве делали там какую-то операцию и повредили то, что ты должен был сейчас преодолеть...

Я внимательно посмотрел ей в глаза. Похоже, что она не врала. Мне было приятно ее доверие ко мне, как к мужчине, но, сбив оскомину, я уже не собирался порхать за Наташей в училище между занятиями.

Досмотрев фильм, я засобирался домой.

– Паша, нет! Ты же не бросишь меня вот так, когда у меня все впервые? Мне так нужна твоя любовь теперь, как никогда раньше! – сказала Наташа со слезами на глазах.

– А родители?

– Они приедут только завтра вечером.

И я остался.

Родители приехали ночью. Мать ее срочно вызвали на работу в клинику. Картина Репина «Не ждали». Акварелью. С элементом «Черного квадрата» Малевича, в который я затягивался с каждой секундой все глубже и глубже.

– Так! Что это за тип? Кто это? – кричал Анатолий Абрамович, возвышаясь надо мной, никак не желающему после долгожданного секса просыпаться. – А ну уматывай отсюда подобру-поздорову!

– Тише-тише, Толя! – успокаивала его рядом супруга. – Мы же тоже были молодыми! Ты забыл верно!

– Ничего подобного! Такими мы не были! И до свадьбы у нас с тобой один раз только было, когда заявление в ЗАГС отнесли! – уперто бухтел святой папаша.

– Анатолий Абрамович! Вы ничего не подумайте! Мы смотрели кино и случайно уснули! – наконец постепенно приходил в себя я и стал кое-как с грехом пополам оправдываться.

– Ах ты фигляр недоделанный! Вон из моего дома! Ноги чтоб рядом не было! Совратить мою девочку! Как ты посмел?

Наталья рядом заревела:

– Нет, папа! Он не виноват! Не ругай его!

– Ты еще тут! Рот закрой! – прикрикнул он на дочь.

Мне ничего не оставалось, как одеться и отправиться на Курский вокзал пешком – ждать первую электричку, так как метро еще не открылось, а на такси денег у меня не было.

Почему-то я решил, что после случившегося инцидента мне не дадут сдать экзамены. Однако, я получил пятерки и по специальности, и по концертмейстерскому классу, на котором играл в дуэте с известным скрипачом.

Наталья ходила с припухшими глазами, избегала меня, да я и не настаивал особо. Но накануне наших каникул она вдруг вызвала меня поговорить тет-а-тет. Мы сидели в парке на лавочке.

– Ну? И о чем ты хотела поговорить? – слегка надменно спросил я.

– Да так... Ни о чем... – Наташа вела себя необычно сдержанно. – Хотела узнать, как твои дела.

– У меня все гуд! Спасибо!

– Хорошо... А я замуж выхожу... За Вадима...

– Отлично! Удачи!.. И счастья!.. Семейного благополучия! – затараторил я скороговоркой, вскочив. – Мне пора. Извини.

– Да-да... – тихо ответила она, опустив взгляд.

Придя на занятия первого сентября, я узнал, что отчислен по какой-то незначительной причине: неявке на летнее собрание студентов, о котором я ничего не знал.

Жизнь получила наименование «Ад».

– Таисия Ивановна, я что – отчислен? Я же один из наиболее успешных ваших учащихся! Вы же надежды на меня возлагали!

– Ничего не знаю, Весник. Обратитесь в дирекцию училища, – равнодушно ответствовала она и захлопнула дверь.

– К Анатолию Абрамовичу можно? – то и дело заглядывал я в секретариат.

– Он еще не вернулся из командировки.

– А где Наталья Лебедева? – спросил я в аудитории.

– Она в декретном отпуске, – сказал кто-то знающий.

Через неделю я все же попал на прием к декану. Он перебирал кипу бумаг, заполонивших весь его Т-образный стол.

– Что вы хотели, молодой человек? – скупно процедил он, делая вид, что впервые меня видит.

– Я хотел просить вас восстановить меня в училище, так как имею хорошие отметки, занятия пропускаю только по болезни, а о собрании, на котором нужно было присутствовать, меня никто не известил.

– Незнание закона не отменяет ответственности, как известно. То, что вы не знали о собрании – сугубо ваши проблемы. Нужно было интересоваться культурной жизнью творческого мира, в котором вы пока еще... никто! Выйдите и закройте дверь с той стороны. Мое время очень дорого стоит. Боюсь, вы не расплатитесь.

Я осторожно сделал шаг назад с блуждающей глупой улыбкой на лице. Лебедев сурово посмотрел мне в глаза.

– Ммм... Молодой человек, мне кажется, мы с вами уже встречались... Да-да, я вспомнил при каких обстоятельствах это было... Ну что же! Простите мне отцовскую строгость! Сейчас у Наташи с мужем все хорошо. Они ожидают ребенка... Да-да, обещают подарить мне внука...

И он снова закопался в своих бумагах, а я выскочил как ошпаренный из кабинета. Забрав документы, больше никогда не возвращался в эти стены. С музыкой было покончено. Сильные и гибкие пальцы пианистагодились в другом – я с успехом закончил курсы массажистов. Через десять лет в сауну, где я работал, пришла компания гламурных леди. В одной из них я узнал Наташу Лебедеву.

– Вот так встреча! – улыбнулась все так же очаровательно почти не изменившаяся нимфетка. – А мы с сыном позавчера только что вернулись из Финляндии. Пять лет не приезжали в Россию. С Вадимом разошлись через два года, когда сгоряча сказала, что сын – не от него, и вышла замуж за финна...

– ...А сын все-таки от него? – заикаясь, осторожно спросил я, осененный догадкой, которая до сих пор почему-то ни разу не приходила в голову.

– Сын – твой, – уверенно заявила Наташа. – Но теперь это не имеет никакого значения... Я больше не люблю тебя!.. Сделаешь массажик?..

Глава 4. Лариса

– Какой-токой любовник Фордиани? Какое-такое письмо? Ты бредишь? Кто тебе – начинающей, еще даже совсем не журналистке, – поверит? И потом... Если ты действительно нашла предсмертное письмо уопленника в номере Фордени, то обязана была предъявить его полиции! А вместо этого ты его крадешь. Ты – воровка, Лариса Игнатова?

– Не пытайся меня запугать, Артур. Лучше скажи, как мне получить разрешение на посещение морга. Может, позвонишь насчет меня?

– Ну что ты со мной делаешь? Вот зачем заваривать кашу? Там же люди совсем другого сорта замешаны. Продюсер этот, супруг опять же, Фордиани! Смотри! – редактор «Коммерсанта» достал из дипломата несколько разных газет, с обложек которых взирал безутешный вдовец и ослепительная Анастасия Фордиани в черной рамке. – Нужна ему инфа про любовника жены, который к тому же мертв, как и она? Да, у тебя появится минута славы! Но что ты получишь окромя головной боли? Мало того, что огребешь проблемы с полицией, так еще и этот придурок выставит нам счет за клевету.

– Короче, ты не желаешь мне помочь в моем сенсационном расследовании. Я верно тебя поняла? – обиженно спросила Лариса, вставая из-за столика в «Шоколаднице», где они встретились выпить по чашке кофе.

– Сядь! – приказал вдруг Артур. – Сядь и слушай меня внимательно! В делах, где замешана смерть, она одна не ходит, она разезает роток и на любопытных, тех, кто слишком близко к ней приближается. В морг я завтра позвоню, сходишь полюбуешься на своего Павлика Морозова. Но если потом вдруг ты почувствуешь что что-то не так, опасность в своей жизни, сразу бросай это дело и звони мне! Слышишь?

– Угу! – серьезно кивнула Игнатова, снова присевшая на стул.

– Все поняла?

– Так точно, товарищ командир!

– Не юродствуй. Теперь иди. Не смею задерживать. Мне еще за дочкой в детский сад успеть нужно.

Лариса намеренно взяла с собой только одну страницу из письма Павла Весника, чтобы показать Артуру, что не лжет, но чтобы он не забрал его у нее для собственного расследования. Она чувствовала, что у нее в руках – бомба замедленного действия. И что рано или поздно она взорвется. Поэтому сказала на всякий случай, что спрятала письмо в надежном месте, а не у себя в комнате, которую снимала у хозяйки – ветхой дотошной старушки – на первом этаже старенькой высотки, которые, одинаково грязно-серые, гнездились по окраинам всей Москвы.

Ларисе очень хотелось поскорее взглянуть на автора письма и составить свое представление о нем. Почему-то ей казалось, что его вид должен был что-то ей подсказать. Но пока Артур дал ей отмашку, прошла половина следующего дня.

Торопясь успеть в их рабочее время – до трех – на Фрунзенскую, в паталогоанатомическое отделение Сеченова, куда доставили найденного неподалеку от Крымского моста на набережной Павла Весника, Лариса почти бежала по эскалаторам метро и умело лавировала среди кишашей людской толпы. Очень часто девушка ловила на себе похотливые взгляды праздных прохожих кавказской наружности. Один из них вдруг развернулся и пошел за ней.

– Как тэбя зовут? – спросил он по-свойски. – Ты мне понравилса! Дай тэлефон!

– Что??? – оскорбилась Лариса, сурово сдвигая брови.

– Тэлефон, говорю, дай! – оскалил желтые зубы темнокожий парень, тыча в лицо девушки свою потертую «Нокию».

Сходя с поднявшегося эскалатора, Игнатова, насколько могла грубо рыкнула:

– Отвали! Или полицию позвать?

Кавказец презрительно надул губы:

– Какой невэжливый дэфушк! Вай-вай! Пачэму мужчин обидэл, да?

Лариса стремительно направилась к выходу, считая диалог законченным. Свернув на Комсомольский проспект, а затем на Трубецкую, она едва-едва успела до закрытия.

– Аааа, девушка из «Коммерсанта»? Пойдемте-пойдемте! Хорошо, что вы сегодня приехали, а то завтра утром вашего Весника забирает для захоронения супруга, – повел за собой сотрудник морга.

– Как супруга? – удивленно притормозила запыхавшаяся расследовательница. – Разве он был женат?

– Как видите, был! Не официально, правда.

– Но ведь по закону тело можно отдавать только близким родственникам!

– А таких у Павла Весника не имеется. Следователь пробил по базе данных. Родители давно умерли, квартиру он свою в Железнодорожном несколько лет в аренду сдавал. А жил вот в Барвихе, со своей гражданской...

– Не может быть... Странно как-то... – задумчиво произнесла Игнатова.

– Что-что? – переспросил мужчина.

– Да нет, ничего...

– Ну вот мы и пришли, – пропустил Ларису он в открывшиеся двери.

Тот, кто лежал под простыней, был полноват и не слишком привлекателен лицом. Лариса списала это на действие воды, от которой тело могло расширяться в объемах. Она упулилась в короткостриженого ежиком брюнета и никак не могла представить его рядом с утонченной Анастасией Фордиани. Что-то не сходилось. Да, допустим, длинноволосым Павел Весник был в молодости, а потом подстригся. Но неужели он настолько следил за своими мышцами, что регулярно качался в тренажерке?

– А вы уверены, что именно это – Павел Весник? – спросила Лариса, отходя чуть в сторону.

Ее собеседник, накидывая простынь обратно, неловко задел собой тело, и со стола вниз, под простынь соскочила рука умершего. Девушка вздрогнула.

– Факт, – ответил мужчина, равнодушно водворяя ее на место.

– Стойте! – вдруг крикнула Лариса.

– Что случилось? – скептически поморщился медик. – Я вроде никуда не убежал.

– Покажите мне его руки! – подошла она поближе.

– Господи ты боже мой! Волноваться-то так чего? Руки как руки! Смотри! – продолжил работник морга в том же взятом им тоне, снова откидывая простынь.

Журналистка радостно улыбалась:

– Вот оно! Да! Я знала, что так будет! Вы разрешите мне сделать пару снимков?

– Да что случилось-то? Может, по-человечески как-то будем изъясняться? Снимайте, конечно!

– Все хорошо! Можете закрывать! Все хорошо!.. – приговаривала Лариса, еле сдерживаясь, чтобы не расцеловать своего минутного нового знакомого после того, как сфотографировала на свой сотовый предполагаемого Павла Весника.

– Как вы, девушки, переменчивы в своих настроениях! То под нос себе что-то бормочет, то кричит, как заведенная!

– Ой, чуть не забыла, вы мне вот что скажите! Как жену-то умершего зовут? И если можно – номер телефончика попрошу, – поинтересовалась Игнатова уже на выходе из здания.

– Ммм... Зовут ее Алина Валерьевна... Да я сейчас посмотрю, у меня записано... Набиева, вот...

Лариса внимательно зафиксировала данные.

– И... Большая-пребольшая просьба: не информируйте Алину... – Игнатова заглянула в блокнот, – Валерьевну о моем к ней интересе. Я сама с ней свяжусь и поставлю в известность.

– Да не вопрос, госпожа журналист! Не вопрос. Я нем, как рыба об лед... Прощайте... – мужчина прищурил глаза и с вожделием посмотрел, как девушка удалялась.

Чему Лариса радовалась, она и сама не понимала. Ну не Павла Весника завтра хоронить будут, ну ей-то что с того? Чего сердце-то екнуло, когда она увидела, что на руках покойника отсутствовала татуировка «Настя»? «Уж не влюбилась ли ты, Лариса, в человека, которого и ни разу в жизни еще не видела?» – спросила она сама себя. И тут же прогнала от эту мысль как самую бредовую из возможных. Для секса у нее есть Артур и некоторые другие друзья, а любви ей не надобно, любовь – равно боль! «Но все-таки где же ты, где? А? Павел Весник?». Лариса не торопясь шла на набережную ближайшего Крымского моста, откуда примерно и был доставлен в морг мнимый Павел. Ее волосы развевались легким ветерком. Собирался дождь. Но Игнатова совсем не обращала внимания на сгущающиеся тучи. Она взошла на мост и оперлась в его середине на парапет, разглядывая темную рябь внизу. «Что же здесь произошло тогда, когда Весник отправил письмо Анастасии? Что? – размышляла журналистка. – Об этом может знать эта самая Алина... Жена...». Снова сердечко ухнуло... «Жена!»... Ей придется как-то с ней познакомиться... «Ну хорошо! Да! Да! Я ревную!»... Лариса стала придумывать, как она позвонит Набиевой, как представится. «А... Вдруг?.. Нет!.. Этого просто не может быть!.. Но все же вдруг Анастасия Фордиани была убита?.. Кем?.. Павлом?.. Его самозванкой-женой?..». Первые тяжелые капли дождя отвлекли ее от дум. Она достала зонт и побежала по направлению к метро.

Добравшись домой, перво-наперво, что Лариса сделала, – открыла интернет и забила в поисковой системе Яндекс, Гугла и Рамблера имя этой самой супруги Весника. Ранее она проделывала то же самое и с самим Павлом, но никакие ссылки не дали результата. А вот здесь... Сейчас... Первая же позиция выдала Ларисе уже кое-что. В коротенькой заметочке одного из тысяч похожих друг на друга прогламурных сайтов о роскошной жизни, зарабатывающих на рекламных кликах, которые не дают никакого желаемого эффекта рекламодателям, так как сайт сей не имеет никакой индивидуальности и собственно весь – ни о чем, шла речь о разводе некоего элитного адвоката Игоря Набиева со своей супругой Алиной. Датирована она июлем 2011 года. «То есть ровно год назад», – подсчитала Игнатова. В тексте размещалось и фото супружеской пары с их свадьбы. А также говорилось, что адвокат оставил экс-жене двухэтажный коттедж в Барвихе, два роскошных автомобиля и энную сумму дензнаков. «Нда... Возможностей уйма... Живи – не хочу!» – немного позавидовала Лара и отправилась на кухню нажать кнопку электрического чайника, чтобы заварить себе кофе. Еды она себе домой не покупала, блюла фигуру и экономила. Хозяйка же попала хлебосольная, что для Москвы, ненавидящей лимиту понаехавшую, – буквально нонсенс: то и дело жалела бедную девочку и предлагала то супчиком угоститься, то борщиком. Но Лариса стойко выдерживала данные поползновения «данайца дары приносящего» и отказывалась, отказывалась, отказывалась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.